

Живое наследие памяти. Российские геологические династии : мысли о прошлом и будущем. К 300-летию РАН и 270-летию МГУ имени М. В. Ломоносова : сборник научных статей по итогам круглого стола / научный редактор и составитель Д. Я. Романова [Электронное сетевое издание] — М. : Институт Наследия, 2021. — 276 с. —DOI 10.34685/НИ.2021.62.23.019. — ISBN 978-5-86443-363-8.

Верниковский В. А.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ ВЕРНИКОВСКИХ

Вместо предисловия

Как правило, в словарях и справочниках термин «династия» рассматривается как «ряд монархов из одного рода, последовательно сменявший друг друга на троне по праву родства и наследования» и только в переносном смысле — как «ряд поколений, из рода в род сохраняющих приверженность одной профессии, передающих профессиональное мастерство, традиции». Думаю, что последняя формулировка очень правильная. Профессиональная династия — это не случайная, а крепкая, устоявшаяся, но живая система со всеми своими особенностями. Она соответствует не монархической, а нашей современной жизни и должна рассматриваться не в переносном, а в прямом смысле. В этой главе будет рассказано о геологической династии Верниковских, которая началась с моего отца — Верниковского Арнольда Николаевича. Однако, по мнению автора этих строк, обсуждая вопросы профессиональных династий, необходимо смотреть глубже, узнать о корнях этих династий, обсудить, чем был вызван выбор той или иной профессиональной линии. В данном случае это тем более важно, потому что в роду Верниковских отчетливо выделяются две профессиональные линии — геологов, начатая моим отцом, Арнольдом Николаевичем, и медиков, идущая от моего деда, Николая Антоновича Верниковского и моей бабушки по материнской линии — Лидии Дмитриевны Шишовой.

Корни геологической династии Верниковских

Своему рождению в Сибири я сам, мой отец (Арнольд Николаевич, 12.01.1931–21.05.1998), дед (Николай Антонович, 04.09.1899–21.05.1983) и прадед (Антон Константинович, 13.06.1869–1924) обязаны массовому переселению поляков с нынешней территории Белоруссии в Сибирь после польского восстания 1863–1864 гг. В то время большая семья Верниковских, как и некоторые другие дворянские семьи, жили в деревне (околице) Сутин Игуменского уезда Минской губернии. В мае 1863 — январе 1864 года сутинские дворяне написали несколько писем войсковому начальству и минскому губернатору, в том числе было письмо от Карла Герайтера и Матвея Верниковского о разграблении окрестностей Сутина войсками [1, 2]. Забирали зерно, одежду, деньги — у кого сколько, документы, подтверждающие дворянство. Губернатор приказал разобраться на месте. Разобрались. Военный начальник Игуменского уезда ответил, что «Чрез околицу Сутин неоднократно проходили мятежницкие шайки в апреле и мае месяцах, и при таковых переходах дворяне Сутина помогали повстанцам — едой и другими вещами, поэтому их жалобы на предполагаемые грабежи не следует принимать во внимание». Он предложил «...выселение распространить на всех жителей, так как все они находятся между собой в тесном родстве и дружбе». Таким образом, были полностью выселены из деревни Сутин 22 большие семьи (~170 человек, с детьми и внуками), пять семей (40 человек) были с фамилией Верниковских [3, 4]. По исследованиям Е. В. Коровченко [2] численность сутинских Верниковских после их переселения в Сибирь с учетом нескольких поколений, родившихся в Сибири, превысила 250 человек. Семьи Верниковских, в основном, переселили и распределили по деревням Каинского уезда Томской губернии. Там же оказалась семья Антона Михайловича Верниковского (родился 21.02.1800 г.), а в 1869 году в деревне Минина Усть-Тарской волости Каинского уезда у одного из его сыновей — Константина Антоновича (12.07.1834–25.05.1908) и жены Изабеллы (1832–1906) родился мой прадед Антон Константинович Верниковский (13.06.1869–1924). В Томской губернии они прожили 11 лет, а затем, в 1875 году им разрешили переехать в Башкирию, в Уфу, где мой прадед Антон Константинович окончил полный курс наук в Уфимском Землемерном училище (1889), получив Аттестат при *«очень*

хорошемъ поведеніи, хорошихъ способностяхъ и хорошемъ прилежаніи» [5]. В 1893 году по Указу Его Императорского Величества и на основании решения Уфимского Дворянского Депутатского Собрания выдано Свидетельство о том, что сын дворянина Константина Антоновича Верниковского Антон внесен в 1-ю часть дворянской родословной книги к дворянскому роду отца его, утвержденного в дворянском достоинстве от 29 сентября 1853 года [5].

Хорошие способности у А. К. Верниковского подтверждаются также тем, что уже в 1893 по приказанию Государственного Управляющего Министерством Государственных Имуществ он был назначен Топографом Тобольской партии, работавшей вдоль линии Сибирской железной дороги [2, 5]. Он очень уверенно продвигался по служебной лестнице: в 1898 г. произведен в Губернские секретари; в 1899 г. стал топографом высшего оклада; в 1900 г. произведен в Коллежские секретари со старшинством; в 1903 г. — в Титулярные советники со старшинством; в 1905 г. был переведен из Ишима в Томск Топографом высшего оклада, Титулярным советником, начальником съемочного отделения Томского поземельно-устроительного отряда с VII классом должности (рис. 1); в 1906 г. А. К. Верниковский произведен в чин Коллежского Ассессора, а в 1910 г. — в чин Надворного Советника со старшинством. За успешную работу мой прадед был награжден: медалью в память Царствования в Бозе почивающего Императора

*Рис. 1. А. К. Верниковский (третий справа) среди коллег-топографов. 1905 г.
Семейный архив, хранится у А. А. Верниковского в Москве*

Александра III (1896); орденом Св. Станислава 3 степени (1899); медалью 300-летия Царствования Дома Романовых (1913); орденом Св. Анны 3 степени (1916).

Конечно, трудно говорить о том, что работа в топографии как-то привела потомков моего прадеда в геологию, но топография - это направление Наук о Земле, научная дисциплина, изучающая методы изображения географических и геометрических элементов местности на основе съёмочных работ и создания на их основе топографических карт и планов. Поэтому можно с уверенностью говорить, что если не геологическую, то династию Верниковских в Науках о Земле надо начинать с моего прадеда Антона Константиновича.

Назначение Антона Константиновича в Тобольскую губернию привело к его встрече в Ишиме с Варварой Ивановной Ромейко (04.12.1874–10.06.1969), дочерью солдата Ивана Сильвестровича Ромейко. Здесь, в Тобольской губернии, у них родилось четверо детей (Уршула — в Тобольске, а остальные в Ишиме): Бронислав (05.08.1895–29.12.1983); Уршула (16.10.1897–26.03.1974); Николай (04.09.1899–21.05.1983) — мой дед; Маргарита (04.06.1901– 1940) [6]. Еще трое детей родились в Томске — Изабелла (02.02.1905–10.03.1977); Станислав (26.07.1906–2001); София (21.04.1908–08.05.1909) (рис. 2).

Все дети Антона и Варвары были необычайно талантливыми, выдающимися людьми. Здесь можно лишь сказать, что старший сын Бронислав был одним из лучших спортсменов дореволюционного Томска [7, 8]. Он был многократным победителем в составе команды Спорт-1 Томского футбольного чемпионата; являлся рекордсменом и чемпионом Томска и Сибири по метанию диска, копья, молота, толканию ядра, по десятиборью и пятиборью, по теннису. Только война в 1916 году не позволила ему зарегистрировать рекорд России по метанию копья. Зарекомендовав себя великолепным организатором сибирского спорта, Бронислав Антонович в конце 1922 года по указанию Николая Подвойского, соратника Ленина и руководителя российского Всеобуча, был переведен в Москву. Здесь в 1924 году он стал одним из основателей, а затем первым директором Центрального спортивного клуба армии, знаменитого ЦСКА (рис. 3).

Когда началась Великая Отечественная война, ушел на фронт добровольцем, прошел всю войну, закончил войну в звании май-

Рис. 2. Антон Константинович и Варвара Ивановна Верниковские с детьми Брониславом, Уршулей, Николаем (между родителями), Маргаритой, Изабеллой и Станиславом. 1910 г. Семейный архив, хранится у А. А. Верниковского в Москве

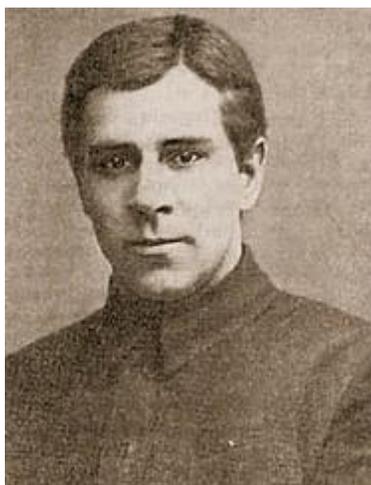

Рис. 3. Бронислав Антонович Верниковский – один из первых организаторов ЦДКА. 1924 г. Опубликовано в [9]

ора, был дважды ранен и контужен, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В музее спортивной славы ЦСКА Брониславу Антоновичу Верниковскому отведена отдельная витрина [9].

Мой дед Николай Антонович тоже был отличным спортсменом в Томске. В Томске он познакомился со своей будущей женой, Елизаветой Васильевной (18.09.1907–22.10.1990), которая училась в фармацевтическом техникуме, а затем работала фармацевтом в аптеке. После окончания медицинского факультета Томского университета дед был направлен для работы врачом в золоторудный поселок Сарала Ширинского района Красноярского края, где в 1931 году родился мой отец — Арнольд Николаевич Верниковский (12.01.1931–21.05.1998). То есть жизнь моего отца, в будущем — геолога, начиналась в геологоразведочном поселке! Здесь уместно сказать, что мне приходилось бывать в этом поселке Сарала, когда я работал в Красноярском отделении СНИИГГиМС (70–80-е годы прошлого столетия). Там нам анализировали наши пробы, привезенные с Таймыра, на золото. Мир тесен! В 1934 году семья Верниковских переезжает в г. Красноярск, где Николай Антонович в 1936 году стал первым главным врачом поликлиники № 2. Здесь, в Красноярске, родился родной брат моего отца — Владимир Николаевич (род. 19.12.1938), отец начал свое школьное образование, а Николай Антонович почти все военные годы работал начальником медицинской службы в военном госпитале. В 1944 г. вместе с эвакуогоспиталем семья переезжает на Украину в г. Черкассы, а затем, в 1945 г. — в г. Львов (рис. 4).

Младший из братьев, Станислав был талантливым певцом и артистом. Он пел ведущие партии в Московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, в частности, он выступал в роли художника Марселя в опере «Богема» Джакомо Пуччини, затем работал в Московском Художественном Академическом театре (МХАТе). Изабелла была ученым, занималась вопросами мелиорации засоленных земель. В 1953 году она защитила диссертацию и стала кандидатом сельскохозяйственных наук [10]. Тяжелые годы сталинских репрессий не обошли стороной старшую из сестер — Уршулу. Она в то время была Воробьевой-Верниковской и 10 апреля 1938 года приговорена к 5 годам исправительно-трудовых работ как «член семьи изменника Родины». Освобождена из Карлага 26.03.1943 г.

Рис. 4. Семья Верниковских. Николай Антонович, Елизавета Васильевна и братья Ноля (слева) и Володя. Львов, 1948 г. Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

Рис. 5. Семья Верниковских в 1957–1958 гг. Нижний ряд слева направо: Бронислав, Уршула, Елизавета и Николай; верхний ряд слева направо: Зинаида (жена Бронислава), Изабелла, Геля (дочь Уршулы), Владимир (сын Николая и Елизаветы). Семейный архив, хранится у И. П. Верниковской в Красноярске и у А. А. Верниковского в Москве

Рис. 6. Семейное фото Верниковских на даче под Москвой в 1964 г. Верхний ряд слева направо: Изабелла Антоновна с мужем Григорием Соломоновичем, Валера с мамой Инной Павловной, Николай Антонович (мой дед); нижний ряд слева направо: Елизавета Васильевна (моя бабушка) с внуками Игорем и Лидой (моя родная сестра), Людмила (невестка Бронислава Антоновича) с дочерью Ритой, Варвара Ивановна (моя прабабушка), Геля (дочь Уршулы Антоновны) с сыном Колей, Уршула Антоновна. Семейный архив, хранится у И. П. Верниковской в Красноярске и у А.А. Верниковского в Москве

Жизнь двух других сестер, Маргариты и Софии, оказалась очень короткой. Со всеми, кроме Маргариты и Софии, я был лично знаком, это были очень милые, добрые, отзывчивые и порядочные люди (рис. 5). Также мне посчастливилось встретиться и с моей прабабушкой, супругой Антона Константиновича, Варварой Ивановной (рис. 6). В честь нее один из ее правнуков Антон Анатольевич Верниковский (внук Бронислава Антоновича) назвал Варварой свою дочь - самую молодую продолжательницу рода Верниковских, которая родилась 13.07.2021 г.

О моем отце

Как уже отмечалось выше, семья Николая Антоновича во время Великой Отечественной войны перемещалась вместе с эвакуационным госпиталем из Красноярска на Украину и в 1945 году обосновалась

в г. Львове. Здесь мой дед продолжает работать врачом в городской больнице, а отец заканчивает среднюю школу и в 1949 г. поступает на геологический факультет Львовского университета.

Более полную характеристику моего отца студенческих лет дал Воля Владимирович Старченко, друживший с отцом всю жизнь с первого курса Львовского университета. В. В. Старченко впоследствии стал известным геологом, доктором геолого-минералогических наук, много лет руководил геолого-съёмочными работами и поисками в Забайкалье (Читинская область), а в последние годы жизни работал ведущим научным сотрудником во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург). Ушел из жизни 12 августа 2005 г.

Воля Владимирович писал мне по моей просьбе, когда я готовил статью в газету «Наука в Сибири» в связи с 75-летием со дня рождения моего отца: «После экзаменов на первый курс в группе появился плотный, подтянуто-спортивный первокурсник, обративший на себя внимание общительностью, доброжелательным, чуть ироничным, взглядом, сирым голосом (после операции на горле). Справедливо-бескомпромиссный в научных и житейских спорах. Увлекался спортом — гимнастика, баскетбол, для физического развития — упражнения со штангой, кроссы» [11]. Хочу добавить к написанному В. В. Старченко, что увлечение спортом, причем самыми разными видами, сопровождало его всю жизнь. Он очень любил бегать на лыжах и привил эту любовь мне, поставив меня на лыжи еще в дошкольном возрасте. Отец также увлекался горными лыжами, греблей, шахматами, теннисом, пытаясь ненавязчиво увлечь и меня всеми видами спорта, которыми занимался. Нужно сказать, что это у него не всегда получалось, но он не сердился, так как видел, что я тоже любил спорт — я играл в баскетбол и волейбол, прыгал с шестом, плавал, занимался альпинизмом и скалолазанием.

В. В. Старченко продолжает: «Время нашей учебы было сложным. Мы были комсомольцами. На Западной Украине шли сложные процессы борьбы с украинским национализмом, в лесах шла обоюдно жестокая кровавая борьба подразделений МВД, КГБ и бандеровцев. Одновременно в университете проходили разные догматические научные дискуссии — борьба с вейсманистами-морганистами, по вопросам языкознания и другие, в которые

втягивались и студенты всех курсов, в том числе мы, еще несмышленные в основах наук первокурсники. Дискуссии были ориентированы местными «учеными-энтузиастами», на шельмование «враждебных учений» и преподавателей, носителей этих учений. Дискуссии подчас были омерзительны, что было ясно даже нам, первокурсникам. Арнольд (Нолик) к этим дискуссиям относился критически, старался разобраться в существе вопросов и с некоторой осторожностью (это было опасно!) высказывал сомнения в справедливости официозных нападок на ученых и справедливости «передового» учения Лысенко. Следует отметить, что в этой обстановке не часто, но были инициированы комсомольские собрания за «идейную чистоту» против «враждебных поползновений». Часто на таких малых «охотах на ведьм» Арнольд искренне стремился быть предельно объективным, и иногда смело оставался в оппозиционном одиночестве при стадном осуждении большинством несмышлениша — «уклониста» от «правильной», но мало понятной, линии».

Здесь я должен добавить, что «справедливо-бескомпромиссность в научных и житейских спорах», подчеркнутая В. В. Старченко, по моему опыту и отзывам многочисленных коллег, которыми отец руководил или с которыми сотрудничал, оставалась у него всю жизнь.

В. В. Старченко: «Нолик сразу определился в геохимическую группу, увлекся минералогией и проявил интерес к прикладному направлению в геологии. К нам, геологам-«съемщикам», относился с некоторой иронией, как представителям «чистой науки», как будто не связанной непосредственно и тесно с прикладными задачами геологии. На практиках он преимущественно стремился попасть в рудные районы, на разведку или тематическое изучение месторождений (рис. 7). Он был в восторге от Красноярского края, от его природных богатств и полезных ископаемых, от сибиряков. После окончания университета, в 1954 году он с гордостью попросился на разведку, на месторождение золота Джетыгара в Казахстане».

Необходимо сделать очень любопытное добавление, которое свидетельствует о том, как все переплетено в нашей жизни. Мой отец учился в Львовском университете на кафедре петрографии, которую возглавлял в то время член-корреспондент Академии наук УССР Владимир Степанович Соболев, впоследствии академик АН СССР, заместитель директора ИГиГ СО РАН в Новосибирске, где

Рис. 7. А. Н. Верниковский. Первые шаги в геологии. Карпаты, 1952 г.
Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

Характеристика

Студент 5 курса геологического ф-та Верниковский Арнольд Николаевич учится в Львовском ГУ с 1949 г. Во время учебы и при прохождении производственной практики он показал себя как добросовестный, способный работник, хорошо овладевший основами геологических знаний и проявляющий большой интерес к науке. Дипломную работу он делает при кафедре петрографии, причем в процессе работы подготавливает к печати интересную научную статью. Основательно изучив методики микроскопического исследования минералов, что позволяет ему успешно справляться с камеральной обработкой петрографического материала, он вместе с тем проявляет не меньший интерес к изучению магматических пород в поле и к геологической съемке вообще.

А. Н. Верниковский высказал желание после окончания университета работать по изучению геологии северных областей Сибири, в частности полуострова Таймыра, и я могу рекомендовать его как хорошего работника в Институт геологии Арктики.

Зав. каф. петрографии ЛГУ, проф., чл.-корр. АН УССР В. С. Соболев
19.02.1954 г.

я работаю уже более 30 лет. Мне говорил отец, что В. С. Соболев предлагал ему остаться в аспирантуре в Львовском университете, но он отказался, объяснив это тем, что хотел бы больше заниматься практической геологией. Только после смерти отца, из характеристики, которую он получил от В. С. Соболева, я узнал, что отец хотел работать в НИИГА (Научно-исследовательский институт геологии Арктики) в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге), именно на полуострове Таймыр. Не зная этого, большую часть моей геологической жизни я провел именно на Таймыре! Здесь я прошел пешком более 4000 погонных км маршрутов, выполняя геолого-съёмочные и научные работы. С Таймыром связаны мой институтский диплом и две диссертации — кандидатская и докторская. Только в июле 2021 года академик Николай Владимирович Соболев, сын Владимира Степановича, сказал мне, что нашел статью «К минералогии базальтов Закарпатской области», которую В. С. Соболев написал в соавторстве с В. П. Костюком и А. Н. Верниковским (моим отцом) в 1954 году [12].

Отец с отличием окончил Львовский университет в 1954 г., в том же году они поженились с моей мамой — Верниковской Инной Павловной (рис. 8), но он не мог тогда остаться с ней

Рис. 8. Арнольд и Инна Верниковские перед рождением сына Валеры, 1954 год. Семейный архив, хранится у И. П. Верниковской в Красноярске

в Красноярске, где она жила, так как отцу надо было обрабатывать послеуниверситетское распределение. Несмотря на имеющиеся рекомендации работать в престижном Институте геологии Арктики и предложение остаться в аспирантуре университета, он уехал на разведку золоторудного месторождения Джетыгара в Кустанайской области Казахстана. Желание изучать геологию северных областей Сибири, в частности полуострова Таймыр, осуществилось у него значительно позднее, уже в 70-е годы — в течение нескольких лет он работал на Норильском горно-металлургическом комбинате.

Окончив университет, отец, по словам В. В. Старченко, на всю жизнь сохранил студенческую солидарность. Он старался поддерживать связи со всеми выпускниками-однокашниками, а это было не просто, так как сокурсники разъехались по всей стране и работали в разных геологических организациях, институтах и университетах. Тем не менее, он с оставшимися во Львове однокашниками был одним из застрельщиков и

организаторов почти всех встреч однокурсников в связи с юбилеями выпуска.

Именно «после встреч сокурсников геологического факультета моего старшего брата Арнольда у меня возникло желание стать геологом». Так писал мне Владимир Николаевич, младший брат моего отца. «Они часто собирались у нас на квартире на улице Кутузова во Львове. Я не был непосредственным участником, но много слышал восторженных отзывов о факультете, чудесном преподавательском коллективе, который собрал группу талантливых геологов с Восточной Украины и Российской Федерации. Многие из этого преподавательского коллектива впоследствии стали известными учеными, некоторые возглавили факультеты и кафедры. Инициатором создания факультета в послевоенные годы был декан Лазаренко Евгений Константинович. Большой энтузиаст геологии, он пригласил из Москвы и Ленинграда молодых, подающих надежды ученых во главе с известным на весь мир В. С. Соболевым». По мнению В. Н. Верниковского, который

окончил геологический факультет Львовского государственного университета имени Ив. Франко в 1961 году, это был один из лучших геологических факультетов в Союзе. Таким образом, мой отец увлек в геологию и своего младшего брата.

Возвращаясь к трудовой деятельности моего отца, следует сказать, что она началась в июле 1954 г. в качестве геолога, а затем старшего геолога Джетыгаринской партии Южно-Уральской экспедиции треста «Джетыгаразолото» Министерства цветной металлургии СССР, в Тургайской степи Северного Казахстана. В 1956 г. он переводится на работу в Красноярск, где живет его жена и моя мама — Инна Павловна (род. 24.02.1932, врач-педиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, заведующая учебной работой кафедры педиатрии Красноярского медицинского института, награждена знаком «Отличник здравоохранения»), в то время только что окончившая Красноярский медицинский институт. В Красноярске отец сначала работает в институте «Сибцветметниипроект» в качестве инженера-геолога

горно-геологического отдела, а с 1957 по 1965 г. — в Управлении цветной металлургии Красноярского Совнархоза старшим инженером, начальником геолого-маркшейдерского отдела и главным геологом. В этот период он много занимался перспективами развития цветной металлургии и ее минерально-сырьевой базы в Сибири, включая Норильский комбинат, Казахстане и в других регионах Союза. Он также содействовал постановке научно-исследовательских работ первой научной геологической организации г. Красноярска — Комплексной лаборатории Института геологии и геофизики СО АН СССР (в будущем Красноярского отделения, затем филиала СНИИГ-ГиМС) на золоторудных месторождениях Хакасии. Очень важной для отца в этот период была служебная командировка в Югославию в 1961 г. (по обмену специалистами), изменившая многие его представления о хозяйствовании и организации производства. Он хорошо изучил ведение хозяйства в этой социалистической стране.

Горнорудные и другие предприятия в Югославии были не государственными, а кооперативными. Они возглавлялись выборными Правлениями с широкими полномочиями и возможностями оперативно внедрять без согласования в «верхах» любые предложения, направленные на улучшение производства, повышение рентабельности и оплаты труда сотрудников. Для развития производства и внедрения новых технологий кооперативы привлекали льготные государственные кредиты. Добыча полезных ископаемых, впрочем, как и другие производства, в частности машиностроение, велись на самых передовых технологиях. Благодаря этому продукция отличалась высоким качеством и конкурентоспособностью. Подобную систему хотел и пытался внедрить в Советском Союзе А. Н. Косыгин.

С 1965 г. он снова в «Сибцветметниипроекте», теперь — главный инженер проекта, а затем начальник плавиковошпатового сектора — основного сектора института, головного в СССР по данной проблематике. Плавиковошпатовая проблема стала одной из основных для отца на

ближайшие годы и уже в 1968 г. он успешно защитил диссертацию «Геолого-экономическая оценка плавиковошпатовых месторождений основных промышленных типов», представленную на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук во Всесоюзном институте экономики минерального сырья (ВИЭМС, Москва).

После утверждения диссертации, отец получил приглашение на должность директора Красноярского отделения Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья и с февраля 1970 г. приступил к работе. В эти годы для определения направления развития производительных сил Центральной и Восточной Сибири перед геологической наукой ставились крупные комплексные проблемы по оценке перспектив региона на месторождения бокситов, нефти и газа, цветных и благородных металлов. Он был убежден, что для решения этих проблем в Красноярском отделении СНИИГГиМС должны проводиться комплексные геолого-экономические исследования. Для этого он создает сначала геолого-

экономическую лабораторию, а затем — сектор, которыми руководит сам. Под его руководством сектор выполняет геолого-экономическую оценку железорудных месторождений Красноярья и участвует в составе Межведомственной комиссии в подготовке доклада по прогнозу комплексного использования природных ресурсов и развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона на период до 2000 г. (Постановление Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, по заданию 0.01.431 от 14.04.72). В этих прогнозных исследованиях сотрудники сектора работали совместно с Комиссией по изучению производительных сил и природных ресурсов (КЕПС) при Президиуме АН СССР и другими научными и проектными организациями разных министерств и ведомств. Отец всегда гордился результатами работ Красноярского отделения СНИИГГиМС, прилагал немало усилий для его развития, в том числе лабораторной базы, кадрового состава. В частности, ему удалось решить сложную проблему по долевою участию Отделения в строительстве жилья для

сотрудников. Коллеги вспоминают его как выдержанного, спокойного, общительного и демократичного руководителя, способного умело и незаметно подвести сотрудника к самостоятельному принятию необходимого решения.

Именно этот период стал определяющим для моего выбора геологической специальности. Летом 1970 года отец предложил мне «легкий» сплав на резиновой лодке по речке Бирюса, которая впадает в Красноярское море чуть южнее ГЭС. Отец рассчитал время нашего сплава, но не учел лишь то, что значительная приустьевая часть реки оказалась затопленной морем, сформированным после перекрытия Енисея. Течение реки здесь практически не чувствовалось, более того, начался встречный ветер. Чтобы нам как-то двигаться дальше, пришлось очень усердно грести. Мое усердие, а также отсутствие опыта сплава по рекам привело к тому, что я сломал весло. Нам ничего не оставалось другого, как сделать новое весло, благо кругом была тайга. Несмотря на «неожиданные» трудности

сплава, ночевку у костра, красота и запах тайги приворожили меня на всю жизнь. В дальнейшей своей геологической жизни я прошел много речек и рек разной категории сложности, но я всегда помню мой первый сплав вдвоем с отцом. В следующем 1971 году, после моего окончания 9 класса средней школы отец предложил мне поработать в течение лета маршрутным рабочим в экспедиционном отряде под руководством доктора геолого-минералогических наук Георгия Николаевича Бровкова на юге Тувы (рис. 9). Здесь главными трудностями были жара и отсутствие чистой воды в маршруте. Несмотря на это, через год, после окончания средней школы у меня уже не было сомнения в выборе специальности.

Судьба геолога и личные мотивы бросали отца в разные уголки нашей необъятной Родины и не только: Норильский

Рис. 9. Валерий Верниковский после первого полевого сезона в Туве, 1971 г. Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

медно-никелевый комбинат, плавиково-шпатовый рудник Бэрх в Монголии, Ловозерский редкометалльный комбинат на Кольском полуострове, свинцово-цинковый рудник на знаменитом Горевском месторождении на Ангаре и другие. «Перестройка» застала его в Москве, где он с юношеской романтикой и надеждой встретил начало демократических перемен, поверил в настоящие, чистые рыночные отношения и расцвет производства, освобожденного от чиновничье-бюрократических оков. Он с присущими ему целеустремленностью, прямотой, профессионализмом и романтизмом начал создавать вместе с красноярскими коллегами предприятие «Ситальк» по добыче и производству дефицитных сортов магнетита и талька из месторождений Енисейского кряжа, необходимых для многочисленных отраслей промышленности. Он уже тогда понимал, что тальк Киргитейского месторождения по своим качественным характеристикам уникален для минерально-сырьевой

базы России. На его основе можно выпускать тальк высшего сорта для медицинских нужд. Его производство в промышленных масштабах способно заменить импортные поставки медицинского талька из-за рубежа и позволяет вывозить его на экспорт. Сейчас на этом месторождении добывают многие десятки тысяч тонн талька в год, а тогда, когда все начиналось, отцу пришлось прилагать массу усилий, чтобы провести технологические испытания, чтобы организуемое производство было экологически безопасным и рентабельным. Неоднократно он выезжал в Германию на технологически родственные и благополучные по экологии предприятия, заказывал соответствующее оборудование и комплексы цехов. Сколько он отдавал этому перспективному делу энергии и задора! Но не тут-то было! Его благие порывы разбились о необязательность, непрофессионализм, нечестность коллег, открытое мошенничество и

воровство, вымогательство чиновников и другие пороки, получившие расцвет в начале 90-х годов. Ему пришлось уйти с предприятия, которое он так активно создавал. Но он оставался профессионалом и одним из лучших знатоков тальковой проблемы в России (рис. 10). Он продолжал заниматься созданием производств острodefицитных видов магнетитового, асбестового, талькового и другого минерального сырья для многочисленных потребителей в легкой и тяжелой промышленности России и за рубежом. Энтузиазм его отчасти был вознагражден встречами с заинтересованны

ми лицами на Урале и в Москве, постепенным освоением на действующих предприятиях Урала новых технологий по добыче сырья, выпуску и фасовке дефицитной продукции на европейском уровне. Последние годы жизни отец работал заместителем генерального директора акционерного общества «Талькон». Он несказанно радовался каждому небольшому успеху в претворении в жизнь его замыслов, в трудно налаживаемом в наших непростых условиях производстве. Душевным праздником для него было каждое сообщение об отгрузке

первых вагонов новой продукции, удовлетворяющей жестким требованиям потреби

*Рис. 10. А. Н. Верниковский, 1991 г.
Семейный архив, хранится
у В. А. Верниковского
в Новосибирске*

телей в России и за рубежом, наладке автоматизированной высокоточной фасовки продукции и т. д.

Отец очень любил Сибирь, Красноярск и край, гордился ими, готов был без конца с воодушевлением рассказывать гостям о замечательных традициях и знаменитых сибиряках, в том числе скалолазах — столбистах, о суровой и красивой природе. Наша семья в мои детские и юношеские годы в полном составе проводила воскресные дни в окрестностях Красноярска — зимой на лыжах в районе г. Сопка, а летом — на Столбах.

Интересы и увлечения отца были широки и разнообразны. Он очень любил музыку, сам неплохо играл на фортепиано. Причем ему очень нравилась как классическая музыка, особенно Шопен, так и джазовая. Знал и любил песни бардов — Окуджавы, Городницкого, Визбора, Кукина и, конечно, Высоцкого. На протяжении всей жизни, сколько я его помню, отец очень увлекался филателией и нумизматикой. Особенно трепетно и с любовью он относился к маркам.

Он ушел от нас, когда его многолетние труды и заботы начали постепенно воплощаться в жизнь. Всю свою жизнь, работая в на

учно-исследовательских институтах и на рудниках, он отдавал геологии и развитию минерально-сырьевой базы России. Арнольд Николаевич Верниковский похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве, недалеко от могилы Владимира Высоцкого, песни которого очень любил.

Выше написано, что под влиянием моего отца геологом стал его младший брат Владимир, геологом стал автор этих строк, сын Арнольда Николаевича, геологом является моя жена Антонина и наша дочь Ирина.

Продолжатели геологической династии Верниковских

Владимир Николаевич Верниковский (род. 19.12.1938) после окончания университета работал во Львовском политехническом институте (1961–1963), затем в Украинском научно-исследовательском геолого-разведочном институте (УкрНИГРИ, 1963–1968), где занимался изучением закономерностей формирования полезных ископаемых в осадочных породах верхнего протерозоя и кембрия Львовского

палеозойского прогиба (рис. 11). Он вы

Рис. 11. Западная Украина. У газового фонтана вновь пробуренной скважины.

1968 г. В. Н. Верниковский крайний справа.

Семейный архив, хранится у В. Н. Верниковского во Львове

полнял корреляцию разрезов, фациальный анализ осадочных пород и выяснял палеогеографические обстановки их накопления. На основе этих работ была защищена кандидатская диссертация в 1976 году на тему «Доордовикские отложения Львовского палеозойского прогиба и условия их осадконакопления». Эти материалы нашли отражение в работах: Стратиграфія УРСР. Кембрій-ордовик. Т. III. — К. : «Наукова думка», 1972, Обломочные породы Украины. — К. : «Наукова думка», 1981; Глинистые породы Украины. — К. : «Наукова думка», 1982.

С 1972 года В. Н. Верниковский вновь пришел во Львовский политехнический институт на педагогическую работу. Также изучал литологию лессовой толщи Западной Украины и занимался автоматизацией геологического картирования. В 1978–1990 гг. проводил научные исследования по тематике использования метода фотограмметрических и компьютерных технологий в геокартировании [13]. Непосредственно участвовал в научных экспедициях в горах Памира и Тянь-Шаня.

Валерий Арнольдович Верниковский (род. 19.04.1955). Влияние отца и первые шаги в геологической жизни, которые я прошел, работая в Туве перед окончанием средней школы, определили мой профессиональный выбор. Я твердо решил поступать на геологию в Красноярский КИЦМ, в то время широко известный институт. Решением Совета Министров СССР в декабре 1958 года Московский институт цветных металлов и золота имени М. И. Калинина переведен в Красноярск и переименован в Красноярский институт цветных металлов имени М. И. Калинина.

Однако отец мне осторожно советовал: «Может быть, тебе лучше поступить на геологический факультет НГУ в Новосибирске?». Он сказал тогда, что там собрался коллектив очень сильных геологов и преподавателей, в том числе тех, с которыми он учился во Львове, не говоря уже об академике В. С. Соболеве. Но он не настаивал на этом, мы больше с ним эту тему не обсуждали, и я спокойно поступил в КИЦМ. Анализируя все то, что со мной произошло впоследствии, я могу уверенно сказать, что выбор мой был очень правильный, определивший во многом мою геологическую судьбу. У меня были замечательные преподаватели-геологи, профессора и доценты, которые приехали работать в Красноярск из разных городов страны, в том числе из Москвы и Ленинграда, но преимущественно из Томска. О геологии мы узнавали от Ростислава Алексеевича Цыкина, о петрографии — от Виктора Николаевича Смышляева и Зинаиды Николаевны Файнберг, о литологии и метаморфизме — от Льва Васильевича Махлаева, о минералогии — от Арнольда Даниловича Шелковникова, о рудных месторождениях — от Ивана Ивановича Орлова, Петра Петровича Пискорского и Виталия Григорьевича Звягина, о минераграфии — от Владимира Григорьевича Михеева, о палеонтологии — от Людмилы Васильевны Глуховой, о геодезии — от Генриетты Федоровны Новик. Хотя многих из них уже нет в живых, благодарность учителям всегда остается со мной. Ближе всех из преподавателей мне был профессор Лев Васильевич Махлаев, так как он был таймырским геологом, прекрасно знал этот регион, много говорил о Таймыре на своих лекциях, что мне очень помогло в моей дальнейшей работе в Арктике. У нас была замечательная учебная геологическая практика после первого курса на озере Иткуль в Хакасии (рис. 12), а после второго курса (1974) мне посчастливилось поехать на производственную практику на

полуостров Таймыр

Рис. 12. Учебная геолого-съёмочная практика на озере Иткуль, Шира, 1973 г. В. Верниковский – бригадир (в центре). Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

с отрядом Красноярского отделения СНИИГГиМС, который возглавляли супруги Анатолий Игнатьевич и Инга Даниловна Забияки, оба кандидаты геолого-минералогических наук. Они стали для меня хорошими учителями как в теоретической, так и в практической геологии. С этой научной группой я работал много лет, сначала во время учебы, а затем и после окончания института. Почти каждый год мы выезжали на Таймырский полуостров на 4–5 месяцев, занимались геологическим картированием, изучением геологических разрезов, магматических и метаморфических пород, искали золото, занимаясь масштабным опробованием пород (рис. 13). За несколько лет мне удалось собрать хороший материал, поступить в аспирантуру к профессору Николаю Леонтьевичу Добрецову (академиком он стал чуть позже), который в то время работал директором Геологического института Сибирского отделения академии наук в Улан-Удэ. Вскоре я под его руководством

Рис. 13. Челюскинский отряд Красноярского отделения СНИИГГиМС, р. Жданова, Северо-Восточный Таймыр, август 1976 г.

Слева направо: Геннадий Леурда (водитель), Валерий Верниковский (студент 4 курса, преддипломная практика), Сергей Губанов (однокурсник), Анатолий Игнатьевич и Инга Даниловна Забияки (геологи, кандидаты наук), Вадим Березовский (техник), Сергей Сердюк (геолог, впоследствии доктор наук).

Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

защитил кандидатскую диссертацию о метаморфизме, метасоматозе и золотоносности полуострова Челюскина [14].

В 1990 году академик Н. Л. Добрецов пригласил меня переехать в Новосибирск для работы в Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения РАН, которым он руководил. Таким образом, продолжилось наше почти сорокалетнее сотрудничество с Николаем Леонтьевичем, и я очень благодарен ему за большую школу — и в науке, и в жизни. О школе академика Н. Л. Добрецова и о его идеях, развиваемых его учениками, мной опубликовано несколько статей [15, 16 и др.]. Николай Леонтьевич в этом же 1990 году предложил мне стать Ученым секретарем Государственной программы «Глобальные изменения природной среды и климата», которую они возглавили вместе с академиком Николаем Павловичем Лаверовым. Так как программа охватывала работу более 40

институтов Российской академии наук, то это назначение позволило мне познакомиться со многими выдающимися учеными — геологами, геофизиками, петрологами, минералогами, горняками и географами. Среди них мне хочется выделить тех ученых, тесное общение и работа с которыми продолжались и в дальнейшем. Это, прежде всего, академик Н. П. Лаверов, с которым мы продолжали общаться до последних дней его жизни, главным образом, по проблемам Арктики, и академик М. И. Кузьмин, который уже во время работы над программой и все последующие годы стал мне настоящим другом. Николай Павлович, занимая высокие посты в правительстве и академии наук, был истинно государственным человеком. Он курировал многие направления работ, включая работы государственного масштаба, связанные с обороноспособностью страны, с рудными месторождениями и ресурсами, с Мировым океаном и Арктикой. С его уходом из жизни влияние Российской академии наук на указанные проблемы, к сожалению, существенно ослабло. Жизнь Михаила Ивановича также насыщена стремлением добиться максимального результата и в науке, и в устройстве нашего общества, главным образом, в эффективной работе Академии наук и всех ее структур. Он — прекрасный ученый, очень порядочный человек, замечательный собеседник, с которым можно обсуждать любые научные и ненаучные проблемы, а бойцовские качества у него не отнять. Я очень дорожу более чем тридцатилетним общением и дружбой с ним. В этот же период я познакомился с замечательным человеком и ученым — профессором Геннадием Никитовичем Аношиным, однокашником М. И. Кузьмина по Московскому университету. До встречи с ним в Новосибирске я хорошо изучил его книгу «Золото в магматических горных породах», которая была опубликована после защиты одноименной диссертации [17], но никогда не думал, что я найду такое глубокое понимание и поддержку в этом человеке, что для меня было очень важно, особенно в начале новосибирского периода моей жизни.

После переезда в Новосибирск я продолжал изучать Таймыр, а также арктические острова в Северном Ледовитом океане. Вторым регионом в сфере моего геологического внимания был Енисейский кряж, так что происходило чередование экспедиций — то в Арктике, то на Енисейском кряже. Докторская диссертация была посвящена Таймыру, но в ней уже сделано обобщение по геодинамической эволюции всей Таймырской складчатой области

[18]. Таким образом, опять воплотились в жизнь слова отца — я стал работать в Новосибирске, слушать лекции и доклады на семинарах известных специалистов, а в 1996 г. по рекомендации академика Н. Л. Добрецова и член-корреспондента РАН Ч. Б. Борукаева пришел в НГУ, но уже не в качестве студента, а доктором наук, профессором, где стал читать лекции и работать в качестве заведующего кафедрой общей и региональной геологии (1997). Здесь нужно сказать, что у меня не было в тот момент большого желания занимать должность в университете. Я считал, что заведывание кафедрой сильно сократит мои возможности заниматься наукой. Времени на все не хватало. Но эту должность занимал Чермен Бейбулатович Борукаев, который был тяжело болен, и я не мог не заменить его на этом посту. Ч. Б. Борукаев был прекрасный человек и ученый. Мы очень сдружились в последние годы его жизни. Он был замечательным собеседником. Некоторые его советы и рассуждения остались в моей памяти на всю жизнь.

Вероятно, с этого момента моя исследовательская, преподавательская и научно-организационная жизнь стала раскручиваться еще сильнее. Каждое лето — экспедиции, включая организацию нескольких международных в Арктике (рис. 14); работа в институте завлабом и первым заместителем директора (при Н. Л. Добрекове); выполнение проектов и грантов, в том числе, очень крупного международного проекта IGCP по суперконтиненту Родиния, который потребовал шестимесячную работу в Тектоническом центре

*Рис. 14. Экспедиция на о. Жохов, архипелаг Де Лонга, сентябрь 2011 г.
Слева направо: В. А. Верниковский, В. Ф. Проскурнин,
Н. Ю. Матушкин, А. Голубев, Д. В. Метелкин.
Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске*

Западно-Австралийского университете в Перте (2002); комплексные изотопные исследования в лучших лабораториях мира (Стокгольм, Швеция и Перт, Австралия); подготовка к печати более 400 научных работ, в том числе 10 монографий и 7 тектонических карт; многочисленные доклады на конференциях и съездах в России и за рубежом; чтение лекций, в том числе в университетах Швеции, Австралии, Канады и Франции; работа с аспирантами и руководство кафедрой, а с 2012 года — и деканом геолого-геофизического факультета НГУ; создание новой лаборатории геодинамики и палеомагнетизма Центральной и Восточной Арктики в НГУ (2014–2017); разработка идеи и создание в НГУ уникального Научно-образовательного центра (музея) «Эволюция Земли» (2016–2021); работа в научных советах, редколлегиях журналов, комиссиях и многое другое. В промежутках между этими делами — участие в выборах в Российскую академию наук, получение

званий и премий: в 2003 году был избран член-корреспондентом Российской академии наук, а в 2016 году — академиком РАН по специальности «геология». В том же 2016 году получил звание «Заслуженный геолог Российской Федерации». За цикл работ по геологии Сибири и Арктики стал лауреатом премии В. А. Обручева (2008) и премии О. Ю. Шмидта (2019). В 2016 году по распоряжению Председателя Правительства РФ вошел в состав делегации Российской Федерации для презентации в ООН (Нью-Йорк, США) и защиты Заявки в отношении континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане. Что-то, уверен, упустил в своем рассказе, но даже это не могло бы произойти, если бы я не чувствовал постоянную поддержку своих друзей и родных и, особенно, моей жены — Антонины Евгеньевны Верниковской.

Антонина Евгеньевна Верниковская (род. 06.10.1956). С Антониной мы учились в одном институте (КИЦМе) на геологической специальности, но она училась на курс младше. Она тоже не случайно пришла в геологию. Ее родители — Ковалевские Евгений Павлович (03.02.1920–03.03.1985) и Вера Артемовна (25.10.1920–10.08.1994) окончили Московский горный институт. Евгений Павлович в 1941 г. получил квалификацию горного инженера по специальности «разработка пластовых месторождений». С июня 1942 года он воевал на Волховском фронте, в 1943–1945 гг. — на Карельском фронте, получил звание старшего техника-лейтенанта, был ранен, награжден медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С 1946 г. Е. П. Ковалевский учился в аспирантуре Горного института под руководством академика А. М. Терпигорева, успешно защитил диссертацию. Вера Артемовна окончила институт в 1945 г. и работала в Москве в Министерстве угольной промышленности СССР (Минуглепром). В 1949–1962 гг. семья Ковалевских работала в Иркутске, Кемерово, Новомосковске, где Евгений Павлович работал заведующим кафедрами в Горных институтах, а Вера Артемовна занималась преподавательской работой. В 1962 г. — переезд в г. Красноярск и работа в Красноярском институте цветных металлов имени М. И. Калинина, где Е. П. Ковалевский был первым зав. кафедрой «Горных машин и комплексов», а В. А. Ковалевская

читала курс лекций по экономике и организации промышленного производства. То есть они работали в том же самом институте, где мы с Антониной учились несколько позже.

Обстановка в доме родителей Антонины была всегда «геологическая», наполненная геологическими образцами. Дело в том, что Евгений Павлович был заядлым коллекционером уникальных пород и минералов. Его прекрасно знали как в геологическом музее Красноярска, так и все коллекционеры, подобные ему. Вероятно, любовь к камню от отца передалась младшей дочери, которая еще школьницей зачитывалась книгами А. Е. Ферсмана и могла хорошо определять минералы и породы. На протяжении всей нашей совместной жизни с Антониной (более 42 лет) мы много работаем вместе: в институтах (в Красноярске и в Новосибирске), в экспедициях (на Енисейском кряже и Таймыре) (рис. 15, 16); в Новосибирском госуниверситете; участвуем в геологических конференциях и съездах в разных странах, на разных континентах; у нас много совместных публикаций в российских и международных журналах. Антонина Евгеньевна — известный специалист в области геохимии и петрологии магматических пород, большой

Рис. 15. Антонина и Валерий Верниковские на мысе Стерлигова (побережье Карского моря), 1999 г. Расставание перед полевыми работами: один полетел на Северную Землю, другая — в бухту Фаддея (Северо-Восточный Таймыр). Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

*Рис. 16. Отряд В. А. Верниковского на Горевском свинцово-цинковом месторождении, р. Ангара, Красноярский край, 2009 г., где несколько лет работал А. Н. Верниковский.
В центре — В. А., третья слева — Ирина Валерьевна, четвертая слева — Антонина Евгеньевна Верниковские.
Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске*

знаток гранитов, автор многочисленных научных статей и двух диссертаций по специальности «геохимия» — кандидатской по теме «Миграция и локализация золота и парагенетических элементов в метаморфических толщах Енисейского кряжа» (1992) и докторской по теме «Геохимия и геохронология неопротерозойских гранитоидов Енисейского кряжа и Таймыра» (2005). Она — главный научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, выполняет работы по проектам и грантам, много лет осуществляет подготовку научных кадров, являясь руководителем и соруководителем бакалаврских, магистерских и других научных работ студентов, а также кандидатских диссертаций молодых сотрудников. С 2014 года Антонина Евгеньевна читает для студентов НГУ разработанный ею курс лекций «Введение в геохимию». Все ее успехи нужно умножить, как минимум, на два, так как она параллельно со своей работой занималась воспитанием двух дочерей, отец которых, как было

сказано выше, был очень часто и подолгу в экспедициях и других командировках. Более того, когда возвращался заросший после длительных экспедиций отец, маме приходилось долго объяснять и уговаривать малолетних дочерей, что это их папа и его не надо бояться. Обе дочери, когда стали постарше, участвовали вместе с родителями в экспедициях на Енисее и на Ангаре. Старшая дочь Анастасия (род. 26.12.1979), когда ей было 11 лет, участвовала в работе полевого отряда во время трехнедельного сплава по реке Татарка, правому притоку реки Ангара. Когда ее спросили соседи по дому о ее впечатлениях об этой поездке, она ответила одной фразой:

«Как мне жалко моих родителей, ведь они так тяжело работают всю жизнь». Такие перспективы дальнейшей жизни ее не устроили, и она поступила учиться на экономический факультет НГУ. Младшая дочь Ирина тоже рано (с 9 лет) стала ездить в экспедиции с родителями, но выбор геологической специальности для нее был не простым (рис. 17). Сначала она даже собиралась поступать,

Рис. 17. Валерий, Антонина и Ирина Верниковские на Енисее, 1997 г. Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

как и старшая сестра, на экономический факультет, но в последний момент, без какого-либо нажима со стороны родителей, Ирина спросила: «Папа, а что ты скажешь, если я пойду на геофак?». И услышала ответ: «Буду очень рад, но поступай не на мою кафедру, а на геохимию». Так и произошло, и Ирина продолжила геологическую династию Верниковских.

Ирина Валерьевна Верниковская (род. 21.02.1986). Примерно за два года до ее поступления в НГУ мы взяли Ирину с собой на совещание Европейского геологического союза в Страсбург (Франция). Там мне было сделано предложение профессором Крисом Пауэлом из Западно-Австралийского университета приехать на полгода в Перт, чтобы поработать над большим международным проектом о формировании и распаде суперконтинента Родиния. Ирина, услышав этот разговор, спросила профессора, можно ли ей поехать с папой и сможет ли она эти полгода там учиться в школе? Крис очень обрадовался этому вопросу и ответил: «Да, конечно, мы устроим Вас в прекрасный колледж!». Так все и получилось, а Ирина прошла первое очень тяжелое испытание — вместо учебы в 10 классе в России ей пришлось изучать

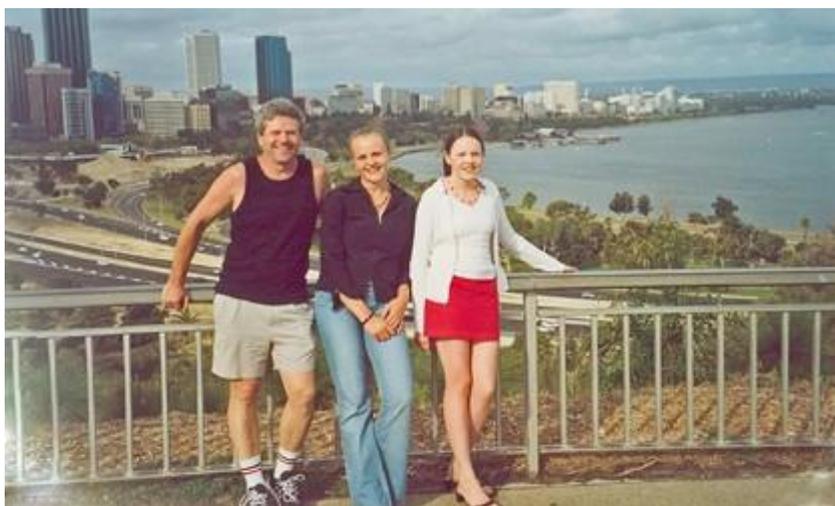

Рис. 18. Валерий, Анастасия и Ирина Верниковские в Перте, Австралия, март 2002 года. Семейный архив, хранится В. А. Верниковского в Новосибирске

математику, физику, биологию и другие предметы на английском языке (рис. 18). Она изучала в Шелтон-колледже даже древний английский язык! Поскольку в Новосибирске она училась во французской школе, проблем с этим предметом у нее не возникало, и она была лучшей в классе по французскому языку. Через полгода Ирина сдала все экзамены за семестр, полностью вошла в австралийскую жизнь, но нам нужно было возвращаться в Новосибирск. Уверен, что эта поездка очень существенно повлияла на всю ее дальнейшую жизнь.

Ирина успешно закончила учебу в университете, стала сначала бакалавром (2007), затем магистром (2009) и поступила в аспирантуру. На всем протяжении учебы она выезжала с нами на полевые работы и работала в аналитических лабораториях, в том числе в Институте геологии и геохронологии докембрия в Санкт-Петербурге и Уппсальском университете в Швеции, где проходила трехмесячную стажировку. В аспирантуре она сконцентрировала свое внимание на щелочных породах Енисейского кряжа и успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Геохимия, минералогия и геохронология щелочных комплексов Енисейского кряжа» на диссертационном совете в Иркутске (2013). Но Австралия не давала ей покоя. Еще не завершив первую диссертацию, она выиграла конкурс для прохождения курса *PhD* в Бриксбенском университете Австралии (*Queensland University of Technology*). Ей пришлось завершать первую диссертацию и одновременно работать над второй, совершенно по другой теме, связанной с вулканологией и геохимией поднятия Шатского в Тихом океане (*Volcanology and Geochemistry of the Cretaceous Volcaniclastic Deposits and Basalts from Ori Massif, Shatsky Rise Oceanic Plateau*). Ирина преодолела себя и уже в 2017 году состоялась защита второй диссертации, которая к ученой степени кандидата геолого-минералогических наук, присужденной в России, добавила степень доктора философии (*Doctor of Philosophy*), присужденную в Австралии. Ирина не останавливается, она продолжает оставаться в поиске!

Заключение

В статье сделана попытка показать становление и развитие геологической династии Верниковских. Вероятно, профессиональные династии не формируются случайно. Думаю, что в нашем случае свою роль в выборе профессии моего отца сыграли разные факторы: дед — топограф высокого класса, проводивший съемку местности вдоль Сибирской железной дороги; высокий уровень образованности всей семьи Верниковских; рождение отца в Сибирском золоторудном поселке; его большая любовь к природе; высокий престиж геологической профессии в конце сороковых — начале пятидесятых годов прошлого столетия; стремление у молодежи того времени к открытиям и огромное желание принести пользу своей стране. Развитие профессиональных устремлений у следующих поколений — это уже способность первого увлечь, заинтересовать, показать на своем примере.

Выше уже говорилось, что у Верниковских развивались две профессиональные линии — геологов и врачей. Причем медицинская династия развивалась как по отцовской, так и по материнской линиям. Продолжателями моего деда-врача Николая Антоновича Верниковского и бабушки фармацевта Елизаветы Васильевны стали: их невестка Антонина Ивановна (род. 29.09.1937) — жена Владимира Николаевича, окончившая химический факультет Львовского государственного университета (1960) и проработавшая во Львовском медицинском институте более 35 лет; внук — Игорь (род. 25.07.1962) и его жена Лилия (род. 09.05.1962), которые окончили Львовский медицинский институт в 1985 году, работали в разных медицинских организациях во Львове, в настоящее время — Игорь в перинатальном центре, а Лилия — заместитель генерального директора Львовской областной больницы. По второй (материнской) линии моя бабушка-врач Шишова Лидия Дмитриевна (20.03.1904–22.12.1979), окончила медицинский факультет Иркутского университета в 1928 году. Затем вместе с мужем Гринченко Павлом Михайловичем жила в поселке Нижний Ингаш Красноярского края и работала в больнице. После переезда в Красноярск родилась моя мама, и вскоре молодую семью перевели на работу в поселок Северо-Енисейский (золоторудный поселок!), в котором часто приходилось бывать мне и моей жене Антонине во время наших полевых работ на Енисейском кряже или непосредственно на Советском золоторудном месторождении. В 1937 году Павла Михайловича (моего деда) арестовали без каких-либо причин и отправили в Магаданскую область до 1946 года. Моя бабушка, по ее рассказам мне, много писала в разные инстанции, вплоть до Сталина, о невинности ее мужа, но все было тщетно. В связи с «неблагонадежностью» ее долгое время никуда не принимали на работу. Лишь один из однокашников по Иркутскому университету помог ей устроиться работать на Красноярскую станцию переливания крови, где она и закончила свою трудовую деятельность в должности главного врача. Ее дочь, моя мама Верниковская Инна Павловна окончила Красноярский Государственный медицинский институт (КГМИ) в 1955 году и до 1963 года работала врачом-педиатром в поликлинике. Последующие 37 лет ее трудовая деятельность была связана с кафедрой педиатрии КГМИ, где она прошла путь от ассистента до заведующей учебной работой кафедры. Профессию врача-педиатра выбрала и моя родная сестра Лидия Арнольдовна Верниковская (20.03.1962–29.11.2018), окончившая Красноярский Государственный медицинский институт в 1985 году и много лет проработавшая в Красноярской краевой детской больнице.

Является ли случайным то, что в семье Верниковских параллельно с геологической устойчиво развивалась медицинская профессиональная линия, сказать трудно. Ясно одно, что все представители этих мирных профессий были близки и к природе, и к человеку, и друг к другу. Большая семья Верниковских не только выжила в сложнейших условиях переселений и репрессий 19 и 20 веков, но и показала необычайные человеческие качества и возможности в достижении поставленных целей.

В заключение хочу поблагодарить старшего научного сотрудника Института Наследия, кандидата культурологии Дарью Яковлевну Романову и академика РАН, декана геологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Дмитрия Юрьевича Пушаровского за приглашение участвовать в этой работе. Выражаю свою признательность и благодарность за помощь в подготовке материалов моей маме Инне Павловне Верниковской, Владимиру Николаевичу Верниковскому, Антону Анатольевичу Верниковскому, Антонине Евгеньевне Верниковской, Татьяне Евгеньевне Ковалевской, Воле Владимировичу Старченко (посмертно). Особую благодарность выражаю Елене Валерьевне Коровченко, которая провела огромную работу в архивах и описала судьбу ссыльных из околицы Сутин Игуменского уезда Минской губернии, их предков и потомков, в том числе рода Верниковских,

с начала 19 века (рис. 19).

Рис. 19. В. А. Верниковский в маршруте на озере Трех Сестер, п-ов Челюскина, 2002 г. Семейный архив, хранится у В. А. Верниковского в Новосибирске

Список литературы и источников

1. Суцiн у паустаннi 1863 г., — URL: <http://old.talka.info/cuzin8.html> (дата обращения: 13.09.2021).
2. *Коровченко Е. В.* Игуменская шляхта в Сибири: ссыльные за участие в восстании 1863 года. — Минск: Медисонт, 2018. — 712 с.
3. *Токть С. М., Крих А. А.* Минская шляхта в Беларуси и Сибири. — Вестник Омского ун-та, 2012, № 2. — С. 317.
4. Национальный исторический архив Республики Беларусь, г. Минск. Фонд 295. Опись 1. Дело 1522. Л. 38.
5. Российский государственный исторический архив. Фонд 391. Опись 7. Дело 592 «Дело о службе частного землемера Верниковского по делопроизводству Переселенческого Управления (1 апреля 1894 года — 24 ноября 1917 года)». 48
6. Государственный архив в г. Тобольске. Фонд И-158. Опись 2. Дело 767.
7. *Моравецкий Д. В.* Из истории развития спорта в Томске // Давайте вспомним. — Томск, 1995. — С. 169–170. Архив В. Ханевича.
8. *Стойлов Э.* Команда молодости нашей // Красное знамя. — 18 января 1995 г. Архив В. Ханевича.
9. *Гаврилин В. М., Гулевич Д. И., Фирсов З. П.* С эмблемой ЦСКА. — М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1973. — 191 с.
10. *Верниковская И. А.* Промывные нормы и схемы мелиорации на засоленных землях : Автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. с.- х. наук / М-во сельского хозяйства и заготовок СССР. Моск. ин-т инженеров водного транспорта имени В. Р. Вильямса. — Москва : [б. и.], 1953. — 13 с.
11. В. А. Верниковский. Жизнь, отданная геологии. — Наука в Сибири, 2006 (февраль). — № 5 (2541). — С. 4.
12. *Соболев В. С., Костюк В. П., Верниковский А. Н.* К минералогии базальтов Закарпатской области // Минералогический сборник Львовского геологического общества. — Львов, 1954. — № 8. — С. 221–230.
13. *Vernikovsky V.N.* Computer technology of geological mapping. Proceeding of the 17-th International cartographic conference of the 10-th General Assembly of ICA. — Barcelona, 1996.
14. *Верниковский В. А.* Метаморфизм и метасоматоз Северо-Восточного Таймыра и их роль в

- локализации золотого оруденения: Диссертация на соискание уч. степени канд. геол.-мин. наук (04.00.08 — петрография, вулканология). — Красноярск, 1985. — 174 с.
15. *Николай Леонтьевич Добрецов*. Библиография ученых. — Геологические науки. — Вып. 54. — Новосибирск: Наука, 2000. — 127 с. Автор вступительной статьи В. А. Верниковский.
 16. *Верниковский В. А., Соболев Н. В.* Основные идеи Н. Л. Добрецова, развиваемые его учениками и соратниками // Геология и геофизика. — 2016. — Т. 57. — № 1. — С. 5–10.
 17. *Аношин Г. Н.* Золото в магматических горных породах: (по данным нейтронноактивационного анализа): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. АН СССР. — Новосибирск : Сиб. отд-ние. Ин-т геологии и геофизики, 1972. — 34 с.
 18. *Верниковский В. А.* Геодинамическая эволюция Таймырской складчатой области : Диссертация на соискание уч. степ. доктора геолого-минералогических наук. — Новосибирск, 1995. — 299 с.